

Содержание

<i>От редактора</i>	7
Детство	15
Двое. Современная поэма	21
Легенда о луне	39
Крым	57
Электричество	62
На севере диком	66
Петербург	74
Olympicum	81
Солнечный сон. Сказка	90
Юность	119
Университетская поэма	128

Бабочки (отрывок из поэмы)	160
Из калмбрудовой поэмы «Ночное путешествие»	162
Слава	167
Парижская поэма	172
К кн. С. М. Качурину	177

Приложение

<i>Андрей Бабилов. Возвращение «Супермена» Набокова</i>	183
<i>В. Набоков. Жалобная песнь Супермена</i>	204
Комментарии	211

Поэмы

1918–1947

Детство

I

При звуках, некогда подслушанных минувшим, —
любовью молодой и счастьем обманувшим, —
пред выцветшей давно, знакомою строкой,
с улыбкой начатой, дочитанной с тоской,
порой мы говорим: ужель все это было?
И удивляемся, что сердце позабыло;
какая чудная нам жизнь была дана...

II

Однажды, грусти полн, стоял я у окна:
братишка мой в саду, — Бог весть во что играя, —
клат камни на карниз. Вдруг, странно замирая,
подумал я: ужель и я таким же был?
И в этот миг все то, что позже я любил,
все, что изведаль я, — обиды и успехи, —
все затуманилось при тихом, светлом смехе
восставших предо мной младенческих годов.

III

И вот мне хочется в размер простых стихов
то время заключить, когда мне было восемь,
да, только восемь лет. — Мы ничего не просим,
не знаем в эти дни, но многое душой
уж можем угадать. — Я помню дом большой,
я помню лестницу, и мраморной Венеры
меж окон статую, и в детской — полусерый
и полузолотой непостоянный свет.

IV

Вставал я нехотя. (Как будущий поэт,
предпочитал я сон действительности ясной.
Конечно, — не всегда: как торопил я страстно
медлительную ночь пред светлым Рождеством!)
Потом до десяти, склонившись над столом,
писал я чепуху на языке Шекспира,
а после шел гулять...

V

Отдал бы я полмира,
чтоб снова увидеть мир яркий, молодой,
который видел я, когда ходил зимой
вдоль скованной Невы великолепным утром!
Снег, отливающий лазурью, перламутром,
туманом розовым подернутый гранит, —
как в ранние лета все нежит, все пленит!

VI

Тревожишь ты меня, сон дальний, сон неверный...
Как сказочен был свет сквозь арку над Галерной!
А горка изо льда меж липок городских,
смех девочек-подруг, стук санок удалых,
рябые воробьи, чугунная ограда?
О сказка милая, о чистая отрада!

VII

Увы! Все, все теперь мне кажется другим:
собор не так высок, и в сквере перед ним
давно деревьев нет, и уж шаров воздушных,
румяных, голубых, всем ветеркам послушных,
на серой площади никто не продает...
Да что и говорить! Мой город уж не тот...

VIII

Зато остались мне тех дней воспоминанья:
я вижу, вижу вновь, как, возвратясь с гулянья,
позавтракав, ложусь в кроватку на часок.
В мечтаньях проходил назначенный мне срок...
Садилась рядом мать и мягко целовала
и пароходики в альбом мне рисовала...
Полезней всех наук был этот миг тиши!

IX

Я разноцветные любил карандаши,
пахучих сургучей густые капли, краски,

бразильских бабочек и английские сказки.
Я чутко им внимал. Я был героем их:
как грозный рыцарь смел, как грустный рыцарь тих,
коленопреклонен пред смутной, пред любимой...
О, как влекли меня — Ричард непобедимый,
свободный Робин Гуд, туманный Ланцелот!

X

Картинку помню я: по озеру плывет
широкий, низкий челн; на нем простерта дева,
на траурном шелку, средь белых роз, а слева
от мертвой, на корме, таинственный старик
седою головой в раздумии поник,
и праздно весло скользит по влаге сонной,
меж лилий водяных...

XI

Глядел я, как влюбленный,
мечтательной тоски, видений странных полн,
на бледность этих плеч, на этот черный челн;
и ныне, как тогда, вопрос меня печалит:
к каким он берегам — неведомым — причалит,
и дева нежная проснется ли когда?

XII

Назад, скорей назад, счастливые года!
Ведь я не выполнил заветов ваших тайных,
ведь жизнь была потом лишь цепью дней случайных,
прожитых без борьбы, забытых без труда.

Иль нет, ошибся я, далекие года!
Одно в душе моей осталось неизменным,
и это — преданность виденьям несравненным,
молитва ясная пред чистой красотой.
Я ей не изменил, и ныне пред собой
я дверь минувшего без страха открываю
и без раскаянья былое призываю!

XIII

Та жизнь была тиха, как ангела любовь.
День мирно протекал. Я вспоминаю вновь, —
безоблачных небес широкое блистанье,
в коляске медленной обычное катанье
и в предзакатный час — бисквиты с молоком.
Когда же сумерки сгущались за окном,
и шторы синие, скрывая мрак зеркальный,
спускались, шелестя, и свет полупечальный,
полуотрадный ламп даль комнат озарял, —
безмолвно, сам с собой, я на полу играл;
в невинных вымыслах, с беспечностью священной,
я жизни подражал по-детски вдохновенно;
из толстых словарей мосты сооружал,
и поезд заводной уверенно бежал
по рельсам жестяным...

XIV

Потом — обед вечерний.
Ночь приближается, и сердце суеверней.
Уж постлана постель, потушены огни.
Я слышу над собой: «Господь тебя храни...»

Кругом чернеет тьма, и только щель дверная
полоской узкою сверкает, — золотая.
Блаженно кутаюсь и, ноги подобрав,
вникаю в радугу обещанных забав...
Как сладостно тепло! И вот я позабылся...

XV

И странно: мнится мне, что сон мой долго длился,
что я проснулся — лишь теперь, и что во сне,
во сне младенческом приснилась юность мне;
что страсть, тревога, мрак — все шутка домового,
что вот сейчас, сейчас ребенком встану снова
и в уголку свой мяч и паровоз найду...
Мечты!..

XVI

Пройдут года, и с ними я уйду,
веселый, дерзостный, но втайне беззащитный,
и после, может быть, потомок любопытный,
стихи безбурные внимательно прочтя,
вдохнет, подумает: он сердцем был дитя!

21–22 августа 1918